

В коммуне «Пролетарка» (в деревне Пахомовой, Ирбитского пригородного района) удалось пристально посмотреть, чем владеет крестьянин-бедняк единоличник. Целый день ходили мы с агрономом-колхозником по дворам членов коммуны. Обмеривали, простукивали, подсчитывали годный строительный материал, который можно было бы употребить на постройку общего скотного двора на отведенном участке.

– Собственность! – шутил агроном, осматривая то невозможное барахло, которое составляло надворные постройки бывших единоличников-бедняков.

Хлебные амбарушки, которые пора чинить либо сверху, либо снизу; хлева, где совсем светло без всякого окошка; сараи, кудаходишь с опаской: вдруг завалится и длинный переплет всякого рода заборов и заборчиков. Везде какая-нибудь заготовка строительных материалов. Полные доски для амбарушки, только... «их малость не хватает». Воротный столбы. – «Третьей зимой заготовил, да вот все не смогу поставить» жалуется владелец, указывая на посиневшие кряжи. Кровельный тес, бревна жерди, колья... Словом, везде затраченный труд, который не давал хозяину никакой пользы, а только цепко держал его около никудышного хозяйства.

– «Вот обостроюсь, вот сделаю. Заживу тогда»...

Но проходил год за годом, гнили заготовленные материалы, пополнялись новыми, а лошаденки и коровенки попрежнему перемерзали зимой и тонули в грязи весной и осенью.

По подсчету агронома строительного материала все-таки набирается с избытком на хороший скотный и конный дворы, где легко и удобно можно разместить весь наличный скот коммуны, так что остается еще некоторый запас свободного места.

Вечером на другой день, когда уже были готовы карандашные чертежи проектируемых построек, коммунары удивлялись.

– «Неуж, этакое выйdet из нашего барахла?»

Агроном терпеливо, с прибаутками, объяснял подробности: какое бревно надо распилить вдоль, какое поперек, какой материал взять на внешние и внутренние столбы.

Сначала коммунары относились к этой распиловке с некоторой опаской, потом, усвоив подробности, стали вносить поправки, затеяли спор, а в результате решили, что двор выйdet недорогой, но хороший и, что постройку надо начинать немедленно.

В тех коммунах, где это осознали раньше, осенью, одновременно с обмолотом, кипела строительная горячка. В Мильковской вновь организованной коммуне «Знание и Труд» уже заканчивался огромный теплый скотный двор. В коммуне «Луч», где такой же скотный двор уже закончен, возились с «полудомьем» (нижний этаж) обширного дома для первых выселяющихся из деревни М.-Меньшиковой коммунаров.

Но нигде, все-таки, перестройка так не бьет в глаза, как в деревне Мало-Зверевой, Знаменского района. Эта дереvушка, которую знаменские богатеи пренебрежительно зовут Черногорией или Мелкодрaнью, занимала в прошлом особое положение. Была поставщиком

рабочей силы для кулаков соседнего Знаменского села и деревни Ельшат. Недаром разные Донатычи да Коронатычи забеспокоились, когда в М.-Зверевой затеяли коммуны «Трудовик». Не один раз тревожили и своих племенных жеребцов и собственную пару. Так и сяк подходили, а все с одним:

– «Без коммуны-то еле живы, а с коммуной вовсе ноги протянете. В долга залезете – не выцарапать. Помогать, ведь, некому будет».

Эти «убедительные разговоры постоянных благодетелей», видимо, и вызвали ту особенность, которой деревня Мало-Зверева отличается от других сел и деревень, тоже переходящих на новую форму жизни. Если там «выемка отдельных домов» по улицам иногда очень заметна, то все же улица остается попрежнему улицей. В М.-Зверевой все развалено, не разберешь даже направления, в каком раньше стояли дома. Остатки «сабочков», кой-где неубранные ворота («меньше всего нужны они для коммуны»), разваленные печи, скелеты каких-то построек и несколько полуразобранных изб – вот все, что осталось теперь от д. Мало-Зверевой. Путь к отступлению коммунарами отрезан решительно и бесповоротно.

– (Нажились, хватит. Ельшат да Знаменских покормили, пора и для себя поработать).

Половина деревни расселяется по участкам, половина (30 дворов) входит в коммуны «Трудовик».

Недалеко от бывшей деревни (так теперь Мало-Зверевцы зовут свое старое место жительства), на участке коммуны возводятся новые здания. Коммунары уже кой-что имеют: у них трактор «Фордзон», сложная молотилка, три сеялки, две косилки, куклеотборник, культиваторы, пружинные бороны и другие машины.

Осенние итоги по полеводству оказались выдающимися. Те самые дворы, которые в прошлом году в одиночку имели в общем излишков хлеба на продажу только 200 центнеров, ныне коллективом получились почти в три раза больше.

Быстро растут у коммуны «Трудовик» новые постройки, и нет сомнения, что рабочий (25 голов) и молочный (30 голов) скот ныне зимует не в таких условиях, как раньше.

Самим членам коммуны, может быть, придется нынешнюю зиму сильно сжаться в остатках домов.

Донатычи-Коронатычи по этому случаю шипят:

– «Замерзнут, как тараканы...по человечеству жалко».

Но коммунары бодро смотрят вперед:

– «Развалили, так скорее построимся».